

1990. - 31 авг.

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Леонид Филатов:

«Я везде понемножку скандалю»

— Вы сейчас работаете над фильмом «Сукины дети». Вы — режиссер-постановщик, автор сценария, исполнитель одной из ролей и, выходит... главный «сукин сын»?

— Ну почему же, есть еще. А если серьезно, то об этой картине очень сложно рассказывать, ибо ее сюжет растворен в массе персонажей, обстоятельствах, контрдвижениях. Такие вещи у нас принято называть трагикомедиями, но в моем восприятии это несколько другое — комедия с плачем, что ли. Все герои глотают лекарства, размазывают слезы, и при этом история одновременно смешная и драматичная. Она посвящена артистам. Почитайте некоторые газеты, статьи критиков о театре, и вы сделаете вывод, что артисты читают мало, ничего в голову не берут, о том, чтобы политической заниматься, вообще смешно говорить, в общем, люди бездуховные, бесшабашные, но при этом достаточно хитрые, о деньгах все думают. Словом, сукины дети. И с другой стороны — глупенькие, эдакие наивные, короче, как дети. На смычке этих двух мнений и возникает в картине образ социально оплеванной богемной касты. Фильм все-таки про то, что мы — другие.

— Вы чего-нибудь боитесь в жизни?

— Конечно, за семью, за близких. Это ведь самый беспротестный объект шантажа и попыток тебя укротить.

Я боюсь одичания своей страны. Вокруг огромное количество неграмотных или полуграмотных людей — везде, в том числе, кстати, на эстрадных площадках. Слабо зарифмованные слова — бессмысленные совсем, но, как кажется этим ребятам, социальные. Откуда такая отвала — рифмовать, не умея это делать?

— Вас послушать, у нас и талантов уже нет...

— Да есть же! Страна талантливая, без всяких сомнений. Другое дело, что гении никогда не определяли ее судьбу. Мы кричим: Толстой, Пушкин! А тем временем уровень духовности ниже, чем на Западе. Почему? Потому, что там его поддерживает уровень жизни — покой, уверенность в будущем — то, что создается средним классом. То есть обыкновенными людьми, не

гениями — теми, кого у нас называли бы обывателями.

— Вы интеллигент?

— Помните у Цветаевой: «Кто говорит, что я интеллигентка? Я — аристократка». Ну какие мы все интеллигенты. Мы просто считаем себя таковыми. Посмотрите на газетные драки. Зачастую очень талантливые люди допускают нехорошие выпады в адрес друг друга. А ведь они — эталон нашей духовности, каста, которая автоматически причисляется к интеллигенции. Что же от других требовать? У нас давно нет дворян, аристократов духа — не говоря уже о сословной принадлежности. Зато появились дети совслужащих, которые в силу определенной одаренности, начитанности, а вернее, нахватаемости и т. д. могут довольно много знать — но это вовсе не значит, что они интеллигенты.

— Вы коммунист?

— Нет.

— По убеждению?

— Да.

— Вам никогда не хотелось «удариться» в политику?

— Нет, хотя в наше время быть полностью чуждым ее невозможно. Если у меня есть симпатии, пристрастия — значит, я уже политичен. Но активной политикой я заниматься не умею. Я пробовал работать секретарем Союза кинематографистов — не получилось. Счастлив, что после недавно прошедшего съезда освободился от этого бремени. Подобными вещами должны заниматься люди с определенным общественно-политическим честолюбием. У меня его нет.

— Легко ли вы меняете свою точку зрения?

— Наше время требует аккуратности. Я прошел школу Театра на Таганке — школу разных скандалов. Знаю, что такое газеты справа и слева. Живя в мире спокойном, уравновешенном, можно четко разграничить черное и белое. Но когда мир раскололся... Есть оголтелые левые, которые рвут и подтасовывают, есть омерзительные правые.

— Вы не националист?

— Надеюсь, что нет. Вопрос сложный. Самое ценное для мира на сегодняшнем этапе развития человечества вытекает из национального. Гении нашей литературы потому и знамениты, что они глубоко национальны. Но я не

навижу шовинистический, безумный, тупой национализм. Сейчас к таким вещам нельзя относиться легкомысленно — они чреваты фашизмом. Борьба с инородцами, попытки объяснить неудачи большого народа просками мало — блеф. Что же это в таком случае за народ, который так легко дал себя растлить? А ведь эта песня поется тысячу лет. Она всегда возникала на почве смут. Пушкин сказал: нет ничего страшнее бессмысленного русского бунта. Он сметает всех — умных, глухих, начальников, подчиненных, а в итоге — самих себя. Поиск врага омерзительнее тем, что он всегда являет собой утешительство, способ объединить народ для большой бойни.

— У вас на шее крест. Вы верите в Бога?

— Это интимное. А крест сейчас носят все эстрадные «звезды». Крестonosцы... Люди верят по-разному. Одни — на уровне допуска мысли о существовании Всевышнего. Другие живут под Богом, инстинктивно сверяя с ним все свои поступки. Они и умирают без страха.

— Вы скандалите дома?

— Я везде понемножку скандалю. Пытаюсь, конечно, этого не делать, не люблю себя за это. Но у меня такой характер — я быстро хожу, быстро говорю, быстро срываюсь, ошибаюсь, каюсь... Все делаю быстро. Могу надерзить и обидеть. А дома... Мы, как известно, люди слабые, распускаемся на близких людях.

— Что вы цените в женщинах?

— Разумеется, я ценю все, что вообще свойственно хорошей человеческой особи, — благородство духа, внешние данные. Но я считаю, что женщина сама по себе совершенное создание, дар природы, укор второй половине человечества. Ей можно простить все. Требовать от нее дополнительных талантов бессмысленно и глупо. Она уже Женщина.

— Как вы относитесь к эротике?

— Естественно, положительно. Мы последний народ на планете, который всерьез обсуждает этот вопрос, пишет в редакции гневные письма на тему — нужна нам эротика или нет, пытается разграничить эротику и порнографию по степени обнаженности человеческого тела. Эротика, чувственность — понятия, которые могут быть вообще не связанными с сексуальными сценами и раздетыми людьми. Самая эротичная сцена, которую я когда-либо видел, — из замечательного английского фильма режиссера Тони Ричардсона «Том Джонс»: два человека — мужчина и женщина — сидят друг напротив друга и едят курицу — молча, с громким сочным хрустом, не отрывая при этом друг от друга глаз. Эротичнее этой сцены и придумать нельзя!

— Если бы вам пришлось отправиться на необитаемый остров, что бы вы с собой взяли?

— Жену можно? Прекрасно. Если можно еще — взял бы сына. Еще? Маму, друзей, конечно же. Самых близких друзей.

Беседу вел

СТ. КУЧЕР.

Фото В. НЕКРАСОВА.

